

Игорь Непруха.

Владимир Констаниади.

ОПЫТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

"Критика, плохая и хорошая,
всегда есть автобиография."

/О. Уайлд/

Есть у Уайльда фраза о том, что всякое искусство ~~совершенно~~ бесполезно, другими словами- искусство то, что не приносит практической пользы. Если верить ему /а почеку бы и нет? мы верим в сотни вещей более неправдоподобных/, в чем выгода от исследования какого-либо бесполезного произведения? Более того, от изучения совокупного творчества автора бесполезных произведений? Если к тому ~~даже~~ добавить, что автора нет в живых, имя его никому не известно, а рукописи уничтожены или пропали, то мало быть сумасшедшими, нужно отменим быть негодяем, чтобы браться за столь подозрительный труд. Короткая справка о смельчаках, взявшимся за это безнадежное дело: их общий рост 3,5 м, вес- 150 кг, объем грудей- 192 см, общая высота лбов над затыжками- 60 см. Они свободно владеют двумя языками, выжимают штангу, обладают знанием приемов карате и трансцендентальной медитации. Известный поэт, профессор К.Кузьминский, послал одного из них на три буквы перед отлетом в Америку. Теперь, считая, что знакомство состоялось, переходим к самому исследованию.

История литературы полна имен знаменитых, хотя и никогда не существовавших авторов. Возьмем хотя бы небезызвестного директора Пробирной Палатки Козьму Пруткова или Виктора Эремита. Вспоминаются также господин Брэйе, Мальте Бриле, кот Мурр, Джим Доллар, Синебрюхов, Киллгор Траут,

поэт капитан Лебядкин, Пьер Менар, автор "Дон-Кихота", Ахмед бен-инхали, еще один автор бессмертного романа, доктор Ватсон, Стивен Дедалус, Гек Финн, Свистонов, Г.Гумберт и многие другие фук-писатели. В отличие от них всех, наш герой-автор существовал на самом деле, хотя имени его история не сохранила. Но поскольку на одном из бумажных обрывков- почти все, что осталось от его многогранного творчества- запечатлелись внизу буквы З.М., можно предположить в них инициалы. Пусть будет Захар М.

да, рукописи горят. Если бы только это! Они также используются не по назначению и прекрасно размачиваются водой, промасливаются жиром бутербродов и мяса, из них можно делать хлопушки, утеплять старые сапоги и новые квартиры... да мало ли что! Нет, неправ был Уайлд: от искусства до практической выгоды- один шаг. Да и где ему понять жизнь из своего прекрасного далека! Но мы-то с вами, читатель, все прекрасно понимаем: и почему Захар рвал свои рукописи, согнувшись над унитазом, и почему бросал их в реку, предварительно завернув в старую клеенку, как будь оставляя шанс своеевременному читателю-аквалангисту. Собирая по крохам свидетельства современников, мы смогли установить, что Захар М. проработал до тридцати трех лет трубочистом. Зарплата его была вполне приличной: с ней в два счета можно не умереть с голоду, покупать лотерейные билеты и даже накопить денег на поездку куда-нибудь в Иркутск. Но он не посещал ни стадионов, ни кино, а с упорством маньяка писал и уничтожал свои произведения. И так до тридцати трех лет!

И надо же было случиться, что он угорел на работе

как раз в день своего рождения! Какой все же бич, эти производственные травмы! ... "Странный был такой парень, нелюдимый, — вспоминает его бывший начальник по технике безопасности, — здрасьте — досвиданья — ничего больше от него не добьешься... правда, взносы платил." Сосед по квартире, Леша Цыкин, по прозвищу Лю Шао-ци, добавил такую ценную информацию: "Нил. Было. А выпьет — уставится в одну точку и хрен знает, о чем он там думает!.." Вот и все, что нам известно о его биографии. Чему же он посвящал свободное от чистки дымоходов время? Вот краткий перечень недошедших до нас произведений:

"Не могу не молчать,"
"Ницше, как композитор,"
"Пришвин и Кант,"
"О смысле бессмысленного,"
"Глядя из дымохода,"

"Что делать и чего пока лучше не делать,"
"Барух Спиноза и арабо-израильский конфликт,"
"Миф о Камю",
"Дума об эмпиризме,"
"Путешествие на слонах от Тимбукту до Титикака,"
"Облако без штанов" — очерк на тему морали,
а также роман "Слизистая оболочка,
сборник статей об искусстве — "Что в лоб, что
по лбу",
книга стихов для детей "Шампиньоны в шампанском",
и "По ту сторону экспгибиционизма".

Не зная ни строчки из первых трех работ писателя, нам, между тем, они кажутся знакомыми до тривиальности: "Не могу не молчать!" Что же это нам напоминает? Ну, конечно — "Не могу молчать!" Л.Н.Толстого. Толстой был, как известно, граф, писатель с мировым именем и вполне понят-

но, почему он мог не молчать, а Захар известен только нам с вами, да и то весьма гипотетично. Перечтем статью Голстого со знаком минус, сделаем поправку на время и стиль З.М., которого еще коснемся, и белых пятен практически не остается. С работой "Ницше, как композитор" дело обстоит еще проще: общеизвестны занятия Ницше музыкой, сохранились его этюды для фортепиано, а философия великого немца обнажает недвусмысленную связь между музыкой и духом трагедии: небольшое творческое усилие со стороны читателя - и сочинение готово.

"Пришвин и Кант" также относится к раннему периоду творчества Захара М.; позднее, посчитав эту параллель исчерпанной, он больше к ней не возвращается. Что общего между тем и другим, удивится неподготовленный читатель? Вопрос "на тройку", ибо найти общность можно между чем угодно и чем угодно. Обратив внимание на дневники Пришвина, на его мысли об истине и иллюзии в постижении мира творческим субъектом, нетрудно заметить в них некую парадигму, прообраз кантовского противопоставления "вещи-для-нас" и "вещи-в-себе". Зная о пришвинском интуитивизме, о его ненависти к рассудочности, к "засмыленности", можно посетовать, что не проведена параллель с Бергсоном. Но и это неспроста: Захар М. не искал легких путей.

"О смысле бессмысленного" - серьезный шаг в генезисе его философии. Мы разберем эту работу вкупе со статьей "Миф о Камю" ввиду родства проблем. Известно, что Альбер Камю неоднократно ставил вопрос о бессмыленности человеческого существования и рассматривал определенные жиз-

ненные пути обессмыслилного индивида. Он писал о самоубийстве, как о вопросе вопросов, и вообще был очень опечален жизнью. Это, однако, не мешало ему пользоваться всеми ее радостями, и не сходить с просценiumа как театральной, так и литературно-общественной жизни. О ресторанах, женщинах и автомобилях мы бы не говорили, но приходится упомянуть, что даже умирая, он загубил великолепную машину.

Высоколобая молодежь /будущая плешивая профессура/ многозначно кивает буде названо его имя. По зеркальному тексту найденной копирки можно видеть, что Захар М. дает убийственный анализ стиля и мышления знаменитого француза. Оставим на его совести фразу, что по-французски Камю звучит еще хуже, чем в переводе, но остальное просто блестяще. Правда, мало что удается разобрать, но о многом можно догадаться. Действительно, легко обнаружить, что в стиле Камю нет парадоксальности Киркегора, афористичности Ницше, страсти Шестова, лаконизма Юля Ренара, его многословие не сродни мощному потоку стиля Фолкнера, в нем нет ритма гоголевской фразы, трагизма Достоевского, гротеска и ироничности Табакова. Что же до глубины, то ее может найти, а вернее создать, лишь рефлексивный, подавленный громкостью чужой славы читатель, боящийся показаться себе недоумком при виде этого голого короля. Захар М. сыграл роль мальчика из андерсеновской сказки. Но почему же...— задает вопрос читатель. И правда, почему? Здесь нужно вновь обратиться к работе нашего героя "О смысле бессмыслилного", где он /см. копирку/ рассматривает иррациональную сторону обыденных ситуаций и наоборот. За ря-

дом примеров вырисовываются две основные тенденции: обидчивое благополучие, достигнутое паразитированием на абсурдности жизни, и абсурд самого обыденного благополучия. Давая имена абсурду, Камю менее всего желает остаться с ним с глазу на глаз. Тем самым он выполняет социальный заказ общества, для которого избавление от страха перед собственной иррациональностью видится в навешивании глубокомысленных ярлыков. Так дикари прокалывают фигурки своих врагов в надежде одолеть их на самом деле.

Сколько еще таких дутых величин на свете! Наверно, не меньше, чем истинных гениев, оставшихся никому неизвестными. Вот вам, пожалуйста, абсурд в голом виде. Но не будем одевать его больше в интеллектуальный кафтан.

"Глядя из дымохода". За человечеством можно наблюдать с любой точки, но лучше всего с такой, где ты невидим сам. С этой стороны, трудно найти место, удобнее вышеназванного. Переведя воспоминания Лю Шао-цы на язык филологического исследования, мы установили, что произведение создано в форме записи мыслей и наблюдений и представляет собой нечто среднее между "Опавшими листьями" Розанова, "Записками из кельи" Темея и четвертым томом толкового словаря Даля. Трубочист - невидимый барометр домашних отношений, этакое чувствилище интимной морали, правда находящийся по ту сторону видимого им добра и зла. Мы живо представляем себе те жесткие, яркие абзацы тугой, ядреной прозы, которыми угощал себя в своем одиночестве автор, но повременно с вероятными цитатами, поскольку готовимся сами издать полное собрание сочинений Захара М.

"Но позвольте! Сочинений-то нет!"

Как нет? Сочинения есть. А нет, так будут! В наш век, пресыщенный чтением бесконечных шедевров, никого не купишь дешевой приманкой новой гениальности. Гениальность — самое обыкновенное явление в нашем мире после глупости. Непрерывный поток информации притупил ощущения современника, он пока еще делает себе эстетические вливания, но на рынке слов и идей — это скабрезно-придирчивый покупатель. Мы предлагаем ему, сиречь тебе, читатель, иной, более творческий метод чтения. Вот, к примеру, работа Захара М. "Что делать и чего лучше пока не делать". Возьми-ка, читатель, лист бумаги и ручку фабрики "Союз". Пиши:

Глава 1.

Дурак.

Не всякий дурак интеллигентен, но каждый интеллигент-дурак, если рано или поздно не встают перед ним вопросы
о.....

Написал? Теперь зачеркни все, кроме названия главы. Думай, ищи, пробуй, пока не выйдет из-под твоего стиля образчик прозы, достойный нашего героя. Мы уже немало знаем об образе его жизни и мыслей, о его возможной, нет, об осознанно-необходимой реакции на те или иные предметы и ситуации. Много ли нужно фантазии, чтобы повторить теперь с предельной точностью его уничтоженные экзерсисы? Мы все слишком похожи друг на друга, чтобы позволить себе роскошь непонимания. Как сказано в стихотворении из сборника "Шампиньоны в шампанском", нацарапанном на стене бывшей комнаты писателя /а теперь кладовки/:

Мы будем бесконечно биться,

Изобретать велосипед,
Такой, чтоб всем нам уместиться
При переезде на тот свет.

Не герой, не бодисаттва, не политик, не артист,
А простой и безобидный доходяга-трубочист.

- не мог не написать Захар в сборнике "По ту сторону экспибиционизма."

В нашем кратком очерке мы не можем ~~и~~ коснуться всех его произведений. Да так ли это нужно в и без того ненужном исследовании? Достаточно уже, что мы вооружили читателя способом их прочтения. Упомянем лишь о статьях из сборника "Что в лоб, что по лбу". В него вошли две работы о В.Набокове - "Набоков как мизантроп" и "Набоков и бабочки", статья о Максе Фрише - "Роль маски судьбы и судьба роли маски", реферат "Проза Андрея Белого в контексте поэзии Саши Черного", очерки: "Театр хеппенинга в свете 70го съезда" и "70й съезд в свете теории вероятностей", а также статья "Мэллон сделал свое дело..." о творчестве С.Беккета. Тут есть где развернуться, не спи, читатель!

Но о романе "Слизистая оболочка" все же хочется сказать несколько слов, тем более, что появились новые данные. Одна старая проститутка, конечно бывшая, а сейчас всеми уважаемая пенсионерка и общественница, заявила нам, что сей роман-портрет ее особы в молодости, что не сыграй она роковую роль в жизни писателя-романа бы не было. Поблагодарив ее, мы решились спросить, как был написан роман.

"Я, честно говоря,- призналась старушка,- имени ав-

тора не помню, а не то что..."

"Имя - Захар", - подсказали мы.

"Нет, нет, не Захар. Не помню, как его звали, но не Захаром, это точно!"

"А инициалы?"

"Какие инициалы?"

"З.М."

"Ой, господи! Вы уж обо мне не судите строго. Молодая была... Буковки-то эти я написала."

"Что же они означают?"

И она расшифровала. Первое слово - "законченный", а второе мы позабыли. Впрочем, все это неважно. Уайлд-покойник не зря говорил: "Только не платя по счетам, можешь лелеять мечту, что память о тебе не умрет в нашем торговском мире."

Исследование в надире. Читатель смело может употребить его по тому назначению, которое сочтет нужным. А если не сочтет и лишь кинет нам, что это литературщина или, наоборот, не имеет ничего общего с литературой, нам остается только смиренно склонить свои головы, как бы вставая в борцовую позу. Но если среди вас найдется смельчак, способный объяснить, что такое литература, пусть напишет эссе.

А впрочем, не нужно затрудняться. Пользуясь новым методом, мы и так его прочитаем.
